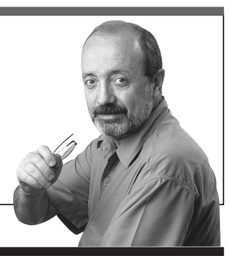
РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ/www.rusfond.ru

Чиновники тоже люди



Лев Амбиндер
руководитель Российского фонда помощи

С этого года вопрос, нужна ли благотворительность в родном отечестве, больше некоммерческому сектору не грозит. На самом верху уже подтверждено: она нужна и ее следует развивать. Наверху поддержали и идею объявить 2006 год годом благотворительности в России. Возможно, этой весной даже состоится встреча деятелей сектора с президентом. Во всяком случае, во многих фондах рассчитывают с помощью Владимира Путина решить насущные юридические и бюрократические проблемы развития благотворительности. Итоги Российского фонда помощи за 2005 год тоже свидетельствуют, что без высокого вмешательства эти проблемы, скорее всего, не решить.

Ъ *В 2005 году Российский фонд помощи собрал 63 562 800 руб. по публикациям в „Ъ“, журнале «Домовой» и на сайте www.rusfond.ru ($2,254 млн при курсе 28,2 руб. за $1). Эти деньги пошли на помощь больным детям, инвалидам, неполным, многодетным и патронажным семьям, а также детдомам, интернатам и больницам. В сборах участвовало 4057 читателей, в том числе 2816 человек сделали по два и более переводов. Все авторы опубликованных писем получили исчерпывающую помощь. По сравнению с 2004 годом (без учета пожертвований в Беслан) сборы выросли на $377 тыс. В этом году Российскому фонду помощи исполняется десять лет.*

Расслабляться, конечно, не стоит. Вот только что любимая радиостанция посвятила целую передачу теме «Благотворительность — это пиар или веление души?». Ответа собравшиеся у микрофона не нашли. По-моему, и не могли найти, потому что, во-первых, какая разница, отчего одни люди на свои деньги спасают чужого ребенка, а другие покупают квартиру сироте, к одиночеству которого не имеют никакого отношения? А во-вторых, нет ничего зазорного в стремлении к известности людей, творящих благо. Зазорно, по-моему, как раз наоборот — не замечать чужой доброты.

Мне приходится выслушивать вопросы и почище. Недавно на встрече со студентами в одном из престижных вузов девушка спросила: «Не стыдно ли принимать пожертвования от людей, которые обворовали страну?» Девушка заметно волновалась, но мне показалось, что ответ ей не очень-то и требовался.

Все это досадно, но поиск вторых смыслов в чужой доброте, не предусмотренной никаким регламентом, у нас в крови, и с этим долго еще ничего нельзя будет поделать. Эта подозрительность разлита в широких массах трудящихся, в том числе, разумеется, и чиновников. Об этом говорят все соцопросы последних лет: большинство сограждан либо ничего не слышали о благотворительности, либо не верят в ее искренность.

Указами тут не победить. Благотворительность, как и доброту вообще, нельзя насадить. Но чиновникам можно хотя бы вменить в обязанность считаться с явлением и учитывать его. Для Российского фонда помощи, как и для многих других фондов, хотя бы такое соучастие власти становится крайне необходимым. Объемы читательской помощи растут, и этот интерес надо квалифицированно обслуживать. Наши читатели в последние годы так добры, что иногда удается собрать денег больше, чем надо. Мы научились утилизовать «излишки» в пользу несчастных, которым не повезло попасть на страницы фонда. У нас десяток таких программ, готовим к запуску еще три. Растет и число постоянных доноров-партнеров. Вот только что присоединился Русь-банк. Председатель его правления Владимир Балабанов так сообщает об этом решении: «Мы давно присматриваемся к вашему фонду. Вы даете читателям прекрасную возможность участвовать в судьбе страдающих людей, чувствовать себя подлинными гражданами страны и удовлетворять нормальную человеческую потребность помогать больным детям». Появилось и совсем новое направление, в котором наш главный аргумент, публикация, вообще не требуется. Эти доноры ежемесячно получают от нас счета на лечение особо тяжелых больных ребятишек. Договор на год, средства выделены солидные, условие одно — системные отчеты о результатах помощи. Мы ввели спецслужбу экспертов, отвечающих за переписку с читателями.

То есть растут и требования к качеству информации, скорости ее выдачи. Фонд обретает черты конвейера, и без системного взаимодействия с исполнительной властью нам уже не обойтись. Мои попытки договориться о взаимодействии с Минздравсоцразвития РФ и Федеральным агентством по здравоохранению и соцразвитию (Росздравом) пока ни к чему не привели. И вот как бы наивно это ни звучало, но мне представляется, что в этих ведомствах должна появиться комиссия, куда вошли бы и мы, организации, обслуживающие благотворительность в здравоохранении. И там можно было бы решать текущие проблемы. Сама по себе эта комиссия, конечно, не возникнет, чиновники у нас слышат только президента.

Вот смотрите. Шестилетнему Валере Штырову с адренолейкодистрофией необходимо лечение в Израиле. Вся сумма, которая требовалась от его семьи, уже собрана нашими читателями, но отъезд задерживается. Штыровы в соответствии с «льготным курсом рублевого покрытия» оплачивают только треть стоимости лечения, а две трети вносит Росздрав. Но Росздрав не внес, потому что Минфин «не определил льготный курс». А Минфин не дает денег, потому что нет постановления правительства, согласно которому функция отправки детей на лечение за границу была бы передана от бывшего Минздрава РФ в Росздрав. Бывший Минздрав исчез ровно два года назад в результате административной реформы. Постановление готовит молодое ведомство господина Зурабова, все два года готовит. Понятно, это не козни, просто текучка, руки не доходят, сейчас вот все заняты национальным проектом в области здравоохранения.

А так собрались бы комиссией, определились да и решили все по-доброму. В конце концов, чиновники тоже люди, верно?

Страшный сосуд

У Леши Зубова в мозгу гигантская аневризма. Это медицинский термин: кровеносный сосуд, который должен быть толщиной с иголку, раздулся до четырех сантиметров в диаметре. Этот сосуд каждый миг может лопнуть. Неизвестно когда. Хоть бы даже и сейчас, пока вы читаете эту статью.

Ему двадцать три года, этому парню, и у него ужасно растерянный вид. Ему кажется, будто никто на свете не может понять, что с ним. И он говорит, описывая свою болезнь банальными сравнениями. Он говорит:

— Вот вы сейчас пьете со мной чай, а представьте себе, что у меня в голове бомба и она может взорваться в любую секунду.

Я хорошо это представляю. Мы сидим в кафе. Леша Зубов выглядит совершенно здоровым, ест бутерброд с сыром и пьет чай. Некрепкий чай, но содержащегося в чае кофеина, черт его знает, может быть достаточно, чтобы чуть-чуть поднялось артериальное давление и аневризма лопнула. Я не услышу взрыва. Мой собеседник просто потеряет сознание, а я стану звать врача, понимая заранее, что врач уже опоздал.

На самом деле эта бомба в голове Алексея Зубова взорвется для него одного. Кафе, в котором мы сидим, я, фотограф напротив, девушка, подошедшая попросить зажигалку,— все это исчезнет, но только для одного Леши Зубова. Он испуган и растерян. Я машинально закуриваю. Дыма моей сигареты, черт его знает, может быть достаточно, чтобы чуть-чуть поднялось у моего собеседника давление и лопнула аневризма. Я на всякий случай тушу сигарету, потому что не хочу быть случайным убийцей этого растерянного парня. Он говорит:

— Врач сказал мне, что эту аневризму нельзя вылечить. Врач сказал, чтобы я просто жил себе не напрягаясь, пока она не лопнет. И еще врач сказал, что с каждым годом вероятность того, что она лопнет, возрастает на три процента.

Я смотрю на него и думаю, что, когда врач это говорил, у Леши Зубова просто от испуга могла начаться легкая тахикардия и аневризма могла лопнуть. Я думаю о том, что каждый человек может стать Леше Зубову случайным убийцей. Хоть бы и эта девушка, которая подошла к нашему столику попросить зажигалку. Если бы девушка понравилась Леше и сердце у него, повинуясь инстинкту продолжения рода, стало биться чаще, черт его знает, может, аневризма и не выдержала бы.

— Спасибо,— говорит девушка, улыбаясь и возвращая нам зажигалку так, чтобы жест получился красивым и кокетливым.

Эта девушка просто хочет на мгновение понравиться двум молодым людям. Откуда же ей знать, что одного из молодых людей может вот здесь прямо сейчас за столом убить насмерть легкое кокетство.

— Как же ты живешь-то? — спрашиваю я Алексея Зубова.

— Да никак не живу. Ушел с работы. Сижу дома на шее у родителей. Переписываюсь по интернету с врачом Юхой Хернесниеми из Хельсинки. Он один из четырех хирургов в мире, которые могут сделать мне операцию. Его звали приехать в Питер и прооперировать меня, но он не может привезти с собой всю свою операционную.

Мы говорим немного про работу. Леша рассказывает, что был поваром и трудился в ресторанах итальянской кухни. Очень неплохо зарабатывал для молодого повара. Даже купил машину, а на машине попал в аварию, а после этой аварии у него начались легкие головные боли, и тогдашняя девушка советовала ему обследоваться, но не было времени на обследования. Работал очень много, восемь последних месяцев перед увольнением вообще не брал выходных. Он говорит:

— Меня спокойно отпустили с работы. Все ведь понимают, что с такой бомбой в голове работать нельзя.

Я слушаю его и думаю, что ни один ресторанный менеджер не хочет, чтобы у него на кухне молодой повар упал бы вдруг замертво от разрыва аневризмы в голове.

— Какое твое любимое блюдо?

— Что? — Леша не понимает вопроса.

— Ну, какое блюдо итальянской кухни тебе лучше всего удается?

— Что? — он не понимает вопроса и моргает, выражая непонимание.

Мне начинает казаться, будто он теряет сознание. Я обвожу глазами кафе в поисках врача — глупо, конечно. Мой фотограф еле заметным кивком головы спрашивает меня: «Что с ним?» Я всерьез боюсь, что у Леши кровоизлияние в мозг, раз он не понимает простого вопроса и моргает глазами с таким беспомощным выражением лица.

— Леша! Ну, капрезе, сальтимбокка? Что ты любишь готовить?

— А-а! — Он улыбается.— Я просто не подумал, что это сейчас может быть кому-нибудь интересно. Я люблю горячие первые блюда, спагетти и ризотто.

— А там любовь-морковь-девушки?

— Какие девушки! Мне врачи даже в туалет советовали ходить пореже.

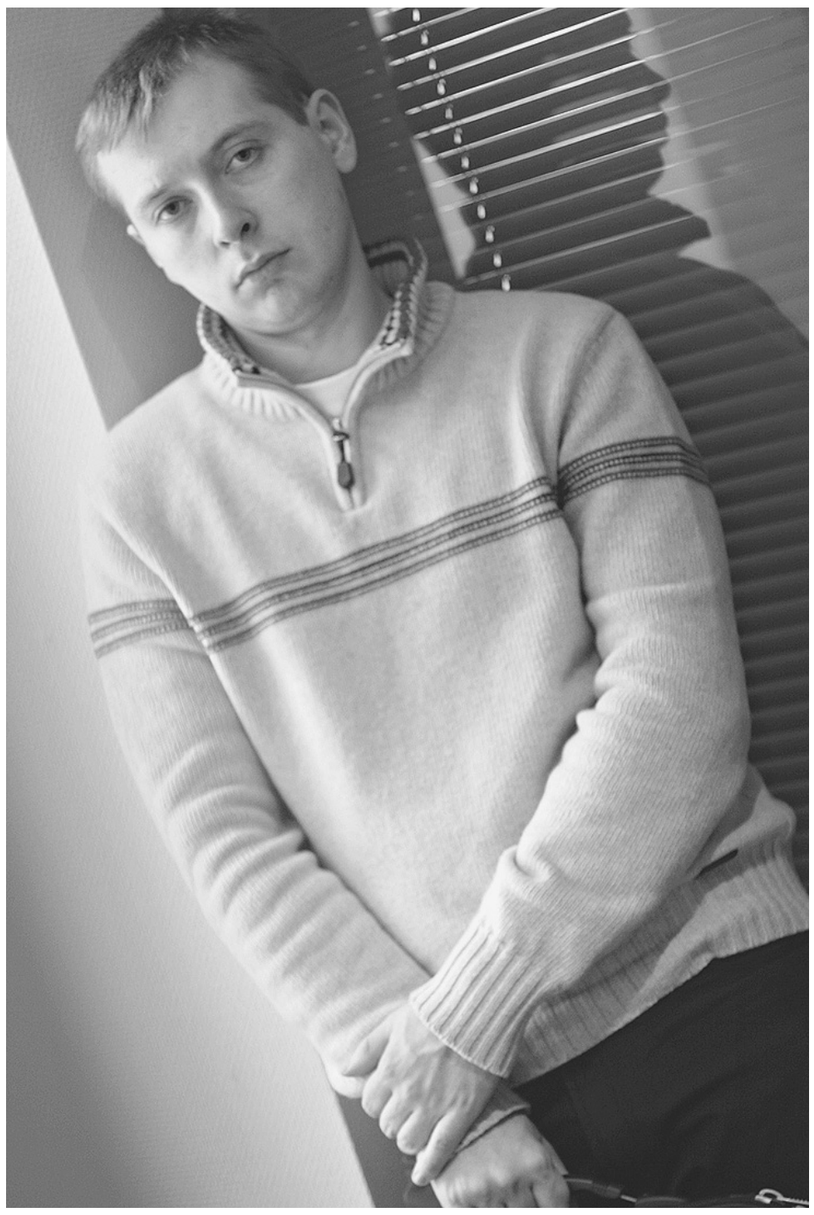
— И ты, выходит, живешь с родителями, как маленький?

— Да, с родителями и у родителей на шее.

Теперь, когда я пишу эти строки, я представляю себе, что вот каждое утро мама Алексея Зубова заходит к нему в комнату и думает: жив ли? Со времени нашей с ним встречи прошла неделя. Я пишу о нем и думаю: жив ли?

Кого-нибудь еще интересует этот вопрос?

ВАЛЕРИЙ ПАНЮШКИН



Аневризма в голове у Алексея Зубова может лопнуть в любой момент, и вероятность того, что она лопнет, с каждым годом возрастает на три процента ФОТО АЛЕКСЕЯ КУДЕНКО

На операцию Алексею Зубову не хватает 285 750 руб.

Нейрохирурги Военно-медицинской академии (Санкт-Петербург) и НИИ имени Бурденко (Москва) сходятся во мнении, что Алексея Зубова следует отправить на лечение за границу, так как в России нет соответствующего лазерного оборудования. У 23-летнего Алеши гигантская, частично тромбированная аневризма средней мозговой артерии диаметром 37 мм. Главный нейрохирург Минздравсоцразвития РФ Александр Коновалов полагает, что в данном случае наиболее подходит лечение в Финляндии, в Центральной больнице университета Хельсинки. Здесь одно из самых активных нейрохирургических отделений Западной Европы, особенно в области хирургии сосудов мозга.

Вот что сообщает профессор Юха Хернесниеми из университета Хельсинки: «Действительно, гигантская аневризма у Алексея не может быть оперирована традиционными методами. Единственным успешным методом лечения в таких случаях является пересадка вены, взятой с ноги пациента, и перекрытие сосуда, несущего аневризму, при помощи такого шунтирования. Вся процедура выполняется при помощи лазера».

Общая стоимость лечения в Финляндии составляет $59 942. Вместе с оплатой пребывания Алексея с матерью затраты возрастают до $64 942. После операции Зубовым предстоит несколько недель жить поблизости от госпиталя и ежедневно посещать амбулаторию. Комиссия Росздрава приняла решение об отправке Алексея и его матери в качестве сопровождающей в Финляндию.

А это значит, что две трети всей стоимости будет оплачено из госбюджета, а Зубовы должны внести 609 590 руб. Им это не по силам, в семье работает только отец Алексея (12 тыс. руб. в месяц). Как всегда, $11 500 внесет наш партнер — компания Ингосстрах (подробности на сайте www.rusfond.ru). Не хватает еще 285 750 руб.

Помочь Алексею Зубову можно любой суммой, перечислив ее на сберкнижку в Сбербанке, которую мы специально открыли на имя Алексея. Желающие внести всю сумму могут перевести ее на счет Росздрава в управлении Федерального казначейства по Москве. Необходимые реквизиты есть в фонде.

Экспертная группа Российского фонда помощи

Из свежей почты

Ильдан Гайнуллин, 2 года, деформация лицевого скелета, требуется хирургическое лечение. 135 тыс. руб.

Моего сына в Казани лечить не берутся. У него костное сращение височно-нижнечелюстного сустава и недоразвитие челюстей. Предстоит несколько операций. Вот сейчас первая и самая трудная: открыть рот, нарастить нижнюю челюсть и поставить искусственный сустав. Ильдан ест одну жидкую кашку, втягивает ее из бутылки через зубы. Рот открывается всего на полсантиметра. Уже видно, что нижняя челюсть мала и ушла вправо. Мы лихорадочно, но безуспешно ищем деньги на лечение. Младшему сыну год, но я вышла на работу (я актриса драмтеатра, зарплата 2 тыс. руб.). Муж был в театре механиком, но уволился, сидит с детьми. Вот вернемся, найдет работу. Комнату в общежитии дал театр, а больше ничего у нас нет. *Мадина Гайнуллина, Татарстан*

Руководитель Центра детской челюстно-лицевой хирургии Виталий Рогинский (Москва): «Это сложная деформация. Малыш не может есть и нормально дышать. После операции установим аппарат для увеличения челюстей и гармонизации костей. Так что будет мальчик говорить как все и питаться как положено».

Катя Пономарева, 13 лет, сколиоз 4-й степени, спасет операция в Новосибирском НИИТО. 173 060 руб.

Внимание! Русь-банк внес 75 тыс. руб. (подробности на сайте www.rusfond.ru). Не хватает 98 060 руб.

Я знаю, что лишь операция изменит жизнь моей дочери, но боюсь хирургов панически. Я прошла этот тяжкий путь, и мне не повезло: мой сколиоз оперировали неудачно, переделывали в три этапа. Я так и осталась инвалидом. Постоянно на обезболивающих, а сколько унижений, насмешек! В вуз не поступила, стала фармацевтом. Сейчас безработная: не могу долго стоять. Но теперь другие технологии, доктора, говорят, в Новосибирске добились поразительных результатов. Сколиоз у Кати с четырех лет. Сейчас она в интернате для детей с тем же диагнозом. Учится на «отлично», хорошо знает компьютер и английский язык, вышивает и обыгрывает всех в шахматы. Она мудрее и выдержанней меня, я с ней советуюсь. Это она меня заставила отправить в НИИТО все документы и искать деньги на операцию. Она найдет место в жизни, если будет здорова. И не дай Бог ей повторить мою судьбу. Я мать-одиночка, живем на пенсию. Умоляю, профинансируйте операцию! *Светлана Пономарева, Свердловская область*

Зав. отделением Новосибирского НИИТО Михаил Михайловский: «Наследственная патология скелета у Кати проявилась в форме тяжелого сколиоза, нарушены функции сердца и легких. Помимо внешнего недостатка это еще и постоянные боли. Без операции у девочки нет будущего».

Никита Ракачев, 5 лет, спастический тетрапарез, требуется курсовое лечение. 130 тыс. руб.

Каждые три месяца мы лечимся у докторов Института медтехнологий (ИМТ), они приезжают в Ростов. На три курса деньги заняли, а больше никто не дает. В марте следующий курс, и пропускать нельзя. Поверьте, вся надежда на вас. Мы молодая семья, живем у родителей. Они нас подкармливают, мы со свекровью делаем все для развития малыша, а вот денег нет. Муж на кирпичном заводе получает 3500 руб. Я из-за Никитки не работаю. На второй день после рождения с сепсисом и тяжелой двусторонней пневмонией он попал в реанимацию, месяц за него дышал аппарат. А в итоге детский церебральный паралич. Мы лечились в ростовском НИИ педиатрии, но эффекта не было. С апреля 2005 года лечимся по методике ИМТ, и Никита уже делает несколько шагов без поддержки, на полной стопе, держит спину и говорит предложениями. Он уже знает буквы и считает до 10! Если лечиться, Никита будет учиться в обычной школе. Я живу этой верой. *Светлана Ракачева, Ростовская область*

Врач ИМТ Ольга Рымарева (Москва): «Никита к нам попал тяжелым: не ползал, не сидел, не ходил, и речь не развита. А теперь контактен, развиваются познавательные функции и двигательные навыки. Надо продолжать лечение».

Алмас Кинзябаев, 12 лет, микроотия с атрезией среднего уха, требуется слухопротезирование. 155 тыс. руб.

Старший сын Алмас родился с патологией: одно ушко деформировано, другого нет вообще. Алмас не слышит, а до 9 лет и не говорил. В интернате обучили лишь несложным словам. Недавно в городе создали спецкласс в обычной школе, надеюсь, наверстаем упущенное. Долгий поиск больницы, где помогли бы Алмасу, привел нас в клинику Мулдашева. Вернулся сын из Уфы и кричит: «Мама, я слышал!» Ему примерили аппараты, которые устанавливают на имплантат. Но это слишком дорого для меня, школьной учительницы. Муж сварщик и попал под сокращение. В бывшем доме культуры нам дали комнату, плату берут, а не прописывают. Так и живем. Очень надеюсь на вашу отзывчивость. *Альфинур Кинзябаева, Башкортостан*

Хирург Центра глазной и пластической хирургии Дамир Мухамадеев (Уфа): «У ребенка нет ушей. Но внутреннее ухо и костная проводимость сохранны. В кость мы вживим имплантат, на него наденем миниатюрный слуховой аппарат. Он проводит звук в обход среднего уха, замены не требует. Цена включает стоимость операции, аппарата и расходных материалов. Алмас сможет учиться в обычной школе и адаптируется в обществе».

Дима Харитонов, 2 года, врожденный порок сердца, необходима эндоваскулярная операция. 186 600 руб.

Внимание! Фонд «Русский дар жизни» внес $2500 (подробности на сайте www.rusfond.ru). Не хватает 116 300 руб.

Дима родился вовремя, с хорошим ростом и весом. И развивался без поводов для волнений. А в 10 месяцев простыл, и участковый врач нашла шум в его сердечке. Через полгода сняли кардиограмму и сразу направили в кардиоцентр. Оказывается, у Димы дефект межпредсердной перегородки, это отверстие в 6 мм. И оно увеличивается, если его срочно не закрыть, то быть большой беде. И понимаю, что операция на открытом сердце с глубоким наркозом ему опасна. Врачи советуют закрыть порок через сосуды. Конечно, мы за щадящую операцию, но она дорогая, а муж экспедитором зарабатывает 1040 руб., потому что другой работы у нас в городке нет. Родители помогают овощами с огорода. И продать нечего. В ожидании операции живем у томской родни. Я не теряю надежды на поддержку добрых людей. *Елена Харитонова, Томская область*

Ведущий специалист НИИ кардиологии НЦ СО РАМН Сергей Иванов (Томск): «Сильный сброс крови в легкие. Увеличилась полость правого желудочка, расширилась легочная артерия, повысилось давление в легких. Дима стал болеть. Дефект в центре перегородки, что удачно для эндоваскулярного закрытия. Риск минимальный. Через полгода Дима будет здоров».

Реквизиты авторов и поставщиков услуг есть в фонде.

Еще есть возможность спасти Лизу Медведеву

Шестилетний Валера Штыров, о котором мы рассказали в „Ъ“ от 27 января, может отправляться на лечение вместе с мамой в Иерусалимский госпиталь Хадасса (Израиль). Читатели собрали для мальчика 1 472 150 руб., ту самую треть стоимости лечения, которую должны были внести Штыровы. Остальную сумму вносит Росздрав. Как нам сообщил заместитель руководителя Росздрава Валерий Сергиенко, платеж будет произведен в марте. Один из наших читателей перечислил $13 тыс. прямо в Хадассу, на эти деньги запущен поиск в Европе донора костного мозга, и вполне вероятно, что к приезду Штыровых в Израиль донор будет найден.

Валере Штырову читатели собрали денег вдвое больше, так что хватит и Лизе Медведевой ФОТО АЛЕКСЕЯ КУДЕНКО

У Валеры редкая болезнь адренолейкодистрофия, донорский костный мозг — его реальный шанс на спасение. Теперь этот шанс у малыша есть. Будем ждать, надеяться и верить. Хорошая новость еще и в том, что, помогая Валере, читатели собрали денег почти вдвое больше. «Излишек» зарезервирован для 4-летней Лизы Медведевой из Твери. У нее лейкодистрофия Краббе, которую московские врачи рекомендуют лечить в той же Хадассе и тоже трансплантацией костного мозга. Так что ждем решение Росздрава.

А теперь о других последних удачах.

Оплачены: операции по поводу врожденных пороков сердца в Томском кардиоцентре алтайцам Насте Бирюковой (12 лет, 186 600 руб.), Наталии Зориной (28 лет, 186 600 руб.) и Васе Клиновых (13 лет, 186 600 руб.), а также Полине Антончик (9 лет, 186 600 руб., Томская обл.), Алине Вишняковой (18 лет, 186 600 руб., Нижегородская обл.), Алеше Шелкунову (4 года, 151 196 руб., Бурятия), Владику Шулимову (3 года, 186 600 руб., Свердловская обл.); операции по поводу сколиоза стоимостью 173 060 руб. Ксении Остапчук (13 лет, Республика Коми), Наталье Федоровой (24 года, Омская обл.), Алевтине Федоровой (24 года, Чувашия), Алене Книсс (12 лет, Челябинская обл.); лечение детского церебрального паралича Полине Жерновской (3 года, 164 324 руб., Красноярский край), ростовчанам Боре Симавоняну (13 лет, 156 тыс. руб.) и Еве Рябухиной (3 года, 156 тыс. руб.), а также Грише Григоряну (3 года, 130 тыс. руб.) и Ульяне Иванцевой (4 года, 162 500 руб.) из Подмосковья; пластические операции Свете Романовой (13 лет, 123 500 руб., Москва), Володе Авдееву (14 лет, 139 тыс. руб., Самарская обл.), Жене Мореву (16 лет, 166 тыс. руб., Удмуртия).

Отправлено: 773 300 руб. на лечение в Германии Лены Сучильниковой (4 года, опухоль мозга, Тамбовская обл.); 272 660 руб. на спецпитание для Нади Курзаевой (4 года, лейциноз, Московская обл.); 65 960 руб. на цифровые слуховые аппараты Денису Авдееву (4 года, Москва).

Помогли: благотворительный фонд «Русский дар жизни» (Нью-Йорк, США), Ирина (Финляндия), Виктория от руководителя, фирма БЭСКИТ, Олег, Александр, Лариса от руководителя, Екатерина, Эльвира, Марина, Александр Михайлович, Сергей (все — Санкт-Петербург), Александр Александрович, Евгений (Екатеринбург), Игорь Ильич (Калининград), Владимир и Вера (Калуга), ОСАО «Ингосстрах», АКБ «Русь-банк», ЗАО «Транс Нафта», компания «Планета Термоформинг», ЗАО «ТПГ Кунцево», журналисты ИД «Ъ», Михаил и Оксана, Андрей Сергеевич, Ксения от компании, Юлия от руководителя, Екатерина и Игорь, два Андрея, три Алексея, четыре Марии, две Юлии, две Ирины, две Екатерины, пять Елен, два Дмитрия, Марат, Владислав, Валент, Константин, Алла Олеговна, Евгений, Глеб, Владимир, четыре Татьяны, Юрий, Владимир Евгеньевич, три Александра, два Сергея, три Ольги, Елена Михайловна, Наталия, Александр Анатольевич, два Дениса, Наталья Викторовна, Геннадий, две Анны, две Светланы, Александр Владимирович, Владимир Сергеевич, Валерий Геннадьевич, Елена Борисовна, Игорь, Илья, Марина Викторовна, два Максима, две Натальи, две Марины, Александр Павлович, семья Липатовых, Лилия, Олег Борисович, Оксана, Ольга и Александр, Валентин Иванович, Вениамин, Михаил, Инна, Валерий и Светлана, Алла, Евгений Иванович, Карина, Елизавета, семья Аксеновых, Лариса от руководителя, Вадим, Анастасия, Инга, Галина Геннадьевна (все — Москва).

Спасибо!

ЛЕВ АМБИНДЕР, руководитель Российского фонда помощи

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма с помощью местной власти, мы публикуем их в „Ъ“, журнале «Домовой» и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете от нас реквизиты авторов и дальше действуете сами. Деньги через нас не ходят. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям идея понравилась, собрано свыше $9,7 млн. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зыряновская» (Кузбасс), 57 семьям сгоревших самарских милиционеров, 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Волгодонске, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста», 39 семьям погибших 6 февраля 2004 года в московском метро, 100 семьям пострадавших в Беслане. Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник».

Адрес фонда: 125252, Москва, а/я 50;
www.rusfond.ru; e-mail: rfp@kommersant.ru.
Телефоны: (495) 943–91–35, 158–69–04 (тел./факс).

Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».